

УДК 93

Узлов Юрий Андреевич

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории и культурологии
Кубанского государственного университета
uzlov@inbox.ru

Uzlov Yuriy Andreevich

Candidate of History,
associate professor of the chair of
history and culturology,
Kuban State University
uzlov@inbox.ru

**ЕВРОПЕЙСКАЯ И РОССИЙСКАЯ
ЦИВИЛИЗАЦИЯ:
ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО
АНАЛИЗА**

**EUROPEAN AND RUSSIAN
CIVILIZATION:
EXPERIENCE OF
COMPARATIVE ANALYSIS**

Аннотация:

В задачу данной статьи входит анализ серии публикаций отечественных и зарубежных авторов по проблеме особенностей развития цивилизационного процесса в российской истории в контексте взаимодействия с ведущими странами Запада.

Ключевые слова:

цивилизация, модернизация, вестернизация, инновационное развитие, традиционное общество.

The summary:

The purpose of this article includes the analysis of the series of publications of Russian and foreign authors on problem of development of a civilizational process in the Russian history in the context of cooperation with the leading countries of the West.

Keywords:

civilization, modernization, westernization, innovative development, traditional society.

Положение России на перекрестке цивилизаций предопределило живое восприятие и усвоение ею идей и вещей пограничных миров, а также выполнение роли посредника, не только генерирующего, транслирующего, но и трансформирующего знания, технологии, феномены материальной и духовной культуры. История России знала несколько периодов активного внешнего влияния. Древнерусское государство испытывало тюркское, прибалтийское и византийское влияние. Становление России как империи проходило в тесном взаимодействии с ведущими европейскими странами. Новейшая история также демонстрирует сложную диалектику развития процессов в политике и социальной практике.

Определение места и роли современной России в мировом сообществе, характера и результатов ее взаимоотношений с другими странами, степени ее зависимости от внешнего мира и собственной способности изменять мир имеет большое значение в осмыслении исторического прошлого и реального настоящего.

Взаимовлияния между странами приобретают особую значимость в переломные периоды мировой истории, когда жизнь остро ставит вопрос о радикальных социальных и политических преобразованиях, когда страны стоят перед выбором своего дальнейшего развития. К таким периодам истории России относятся конец XVII, середина XIX, начало и конец XX вв., что естественно вызывает повышенное внимание как ученых, так и политиков.

Настоящая статья посвящена анализу серии публикаций по указанной тематике, определению особенностей цивилизационного развития отечественной и мировой истории.

Нас интересует прежде всего, как в означенные периоды, в условиях модернизационных преобразований, Россия взаимодействовала с ведущими странами Запада.

Известные нам типы российской модернизации, представленные в отечественной науке как некие схемы развития, порой сложно различаются между собой, и зачастую их невозможно понять без глубокого сравнительного анализа развития с европейской цивилизацией.

Прежде всего необходимо обратиться к истории периодизации российской цивилизации. В этой связи заслуживает внимания версия классика отечественной истории С.Ф. Платонова, который на основе «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина выделил следующие этапы российской истории: древний (от славянских племен до Ивана III); средний (от Ивана III до Петра Великого); новый (от Петра Великого до начала XIX века) [1, с. 457]. Платонов поясняет, что Карамзин во всей русской исторической жизни видел один главнейший процесс – создание национального государственного могущества, и к этому могуществу Русь привел ряд талантливых деятелей. Из них два главных – Иван III и Петр Великий, которые своей деятельностью ознаменовали переходные моменты истории и стали на рубежах ее основных эпох [2, с. 19].

Главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения», ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН А. Рябов применяет такую категорию, как «архаика», считая, что данный фактор является проявлением неких архетипических социальных практик, заимствованных из исторических образцов прошлого, главным образом феодальной эпохи, общества аграрного типа.

По мнению ученого, архаика присутствует не только в прошлом, но и в настоящем. В современных обществах архаика не просто реанимируется, но и создаются структуры, воспроизводящие именно феодальный архетип. Архаические начала всплывают через практику своего рода «кормления», когда чиновник «кормится» со своего поста. Сюда же относится лишение домовладельцев земли, а также скупка богатыми земель вместе с населяющими их людьми, которые становятся крепостными нового «помещика», а также антиэгалитарные позиции элиты, с удовольствием принимающей сословную этику [3, с. 4].

Отличительной чертой архаических отношений выступает подчинение экономики политике, ставка на силу и привилегии. И хотя в реальной жизни все эти явления выглядят изолированными, не связанными между собой, есть основания полагать, что они имеют общие корни.

Каким образом традиции прошлого существуют в современном мире, отвечает английский социолог, доктор философии Кембриджского университета Энтони Гидденс. Во-первых, традиции могут ясно и явно выражаться, обсуждаться и выбираться. Во-вторых, традиции могут действовать по схеме фундаментализма как шаблон истины безотносительно к их последствиям. Первый считается современным, так как он ведет к диалогу традиций, второй относится к категории архаики [4, с. 22].

Традиции и инновации составляют два противоположных начала, являющихся характерной чертой историографии отечественной истории нового времени. Это прежде всего следование полуторавековой полемике западников и славянофилов, исходя из которой основным содержательным фоном любого исследования является отношение России к европейскому прогрессу, целесообразность и результаты его адаптации на отечественной почве.

Авторы книг «Рождение новой России» В.В. Мавродин и «Твой XVIII в.» Н.Я. Эйдельман, следуя означенной концепции, придерживаются точки зрения, согласно которой всему лучшему в своей истории Россия обязана европейскому гению Петра [5]. Такую же позицию разделяют Н.Н. Молчанов в монографии «Дипломатия Петра Великого» и Н.И. Павленко – «Петр Великий». Указанные литературные источники положительно оценивают петровские преобразования, которые привели к разрыву с прошлым и поставили Россию на путь современности [6].

Специалист по политической истории России XVII–XVIII вв. Е.В. Анисимов в монографии «Время петровских реформ», детально изучая петровскую эпоху, подчеркивает, что необходимо диалектически подходить к оценке Петра I. С одной стороны, Петр I резко

интенсифицировал происходившие в стране процессы, заставил совершить гигантский прыжок, перенеся Россию через несколько этапов, с другой стороны, деятельность Петра I имела консервативный характер, что заключалось в консервации основополагающих принципов традиционного режима самодержавной формы правления [7, с. 13].

Научный сотрудник Института российской истории РАН Я.Е. Водарский разделяет позицию славянофилов. Он считает, что Петр I прервал историческую традицию отечественного развития, так как нарушил его органику и искажил русскую культуру западными заимствованиями. Признавая в целом масштаб исторической величины личности Петра I, Я.Е. Водарский отмечает тем не менее, что Петр I не вывел Россию на путь ускоренного экономического, политического и социального развития. Его действия не были исторически оправданными и в максимальной степени соответствующими интересам развития России, скорее, напротив, затормозили и создали условия для торможения на сто пятьдесят лет вперед [8, с. 77].

Теодор Шанин, оценивая модернизацию России переходного периода (XIX–XX) полагает, что Россия была ни феодальной, ни капиталистической, равно как и переходной смесью того и другого. Россия стала первой страной, в которой материализовался специфический общественный синдром, который называется сегодня «развивающееся общество». Это явление сочетает в себе особый тип социальной структуры и положения в мире, долгую имперскую историю, сформировавшийся костяк государственного аппарата, высокообразованную, политически ориентированную интеллектуальную элиту [9].

«Развивающиеся» или «периферийные» общества следует рассматривать как особую форму социальной организации, определенным образом отвечающей на генерируемые центральными государствами импульсы.

Б.Ю. Кагарлицкий, автор политического бестселлера «Периферийная империя: циклы русской истории», продолжает тему «развивающиеся периферии» и приходит к выводу, что проблема России не в ее отсталости, а что это есть запоздалое развитие. Россия была частью периферии, а это уже другой вариант развития. На основе «миросистемного анализа», основанного еще И. Валлерстайном, С. Амином и А. Франком, Кагарлицкий отстаивает позиции исконной вовлеченности Московии в европейское развитие. «Петр отнюдь не был правителем, внедрившим в Московском государстве западную технологию или установившим связи с Европой. И то и другое произошло задолго до него» [10, с. 218].

Из чего следует, что связи России с Западом никогда не прекращались и Петр I не изменил курса, которым шла Россия, он совершил культурную революцию, обеспечив культурные и политические условия, без которых этот курс не мог бы успешно проводиться.

Перечисляя петровские инновации и констатируя их противоречие российским условиям, Кагарлицкий заключает: «Может быть трагедия русской отсталости предопределена вовсе не отдаленностью и оторванностью от Европы, а как раз наоборот, ее близостью и связью с Западом, тем, что при всем желании Россия, ни московская, ни петербургская, никуда не могла от него деться».

Модернизация России эпохи Екатерины Великой, интерпретируется Кагарлицким как часть европейской экономической экспансии XVIII столетия. Основой капиталистической модернизации XIX в. была европеизированная знать и правительство в союзе с иностранным капиталом, а не «национальная буржуазия».

Политолог, директор Центра международных исследований Института США и Канады РАН А.И. Уткин представил свое видение этапов модернизации и влияния Запада на Россию. В работах «Вызов Запада и ответ России» и «Россия и Запад: история цивилизаций», главными составляющими российской истории является то, что на Западе уже в течение пяти столетий идет важнейшая в новой мировой истории революция,

охватывающая все сферы человеческого бытия. В то же время Россия при всех поворотах ее исторического существования участвовала в этом фундаментальном мировом процессе лишь частично.

Запад у Уткина рассматривается лишь как внешний источник модернизации. Политолог акцентирует внимание в основном на возникновении – в результате ориентации на Запад в поисках эффективной стратегии развития – оппозиции власти по отношению к собственному народу.

В этой связи возникает главный вопрос о цене модернизации. Если цена будет непомерной, то модернизация должна будет снять с себя одежды вестернизации и массовое производство должно быть налажено на основе восточно-европейского, а не западного стереотипа [11, с. 98].

То касается вопроса о соотношении внутренних потребностей развития и внешних, то, как отмечает Уткин, оба эти явления существуют, как правило, одновременно. Осознание необходимости внутреннего развития произошло под влиянием западного примера и исходя из страха перед будущим, в условиях отсталости. Реформы Романовых представляли собой одну постоянную, далеко протяженную по времени вестернизаторскую реформу, проводимую то быстрее, то медленнее, с переменным успехом. Уникальность российской модернизации заключается в том, что это был исторический случай, когда потенциальная жертва Запада сознательно поставила перед собой цель овладения материальной техникой Европы ради самосохранения.

Профессор Университета Кларка Теодор фон Лауэ – один из авторитетных специалистов в области теории модернизации. В 1953–1954 гг. он выступил на страницах американской советологической периодики со статьей «Высокая цена и рискованность системы Витте», участвовал в дискуссии по проблемам российской индустриализации на страницах журнала «Slavic Review». Позиция Лауэ сводится к тому, что составные части индустриальной революции западного типа отсутствовали в России.

На Западе построение государства и индустриализация проходили одновременно и в течение многих лет с длительными периодами, когда западные нации не воевали друг с другом. По сравнению с Западом, государство в России приобрело совсем другое социальное значение. «Сравните расслабленную физиологическую реакцию людей в Англии или США на слова «правительство», «закон» и замирание сердца в России при слове «власть». Российское население было лишено исторических традиций, необходимых для создания промышленной буржуазии «западного» типа. Исследования Альфреда Рибера и Томаса Оуэна показывают, что в начале века у многих живших в ту пору российских купцов и промышленников не были развиты «капиталистические инстинкты», они уклонялись от конкуренции друг с другом и боялись иностранной конкуренции [12].

Интерес к капиталистической индустриализации в России Лауэ мотивирует необходимостью решить важную проблему современности: как перенести капитализм (технический строй современной индустрии) в неевропейские страны спокойно, без радикальной ломки социально-экономической структуры, грозящей вылиться в антикапиталистическую революцию. Неудачей подобного мирного пути индустриализации он объясняет Октябрьскую революцию.

Н.А. Нарочницкая в монографии «Россия и русские в мировой истории» продолжает тему отношений России с Западом с религиозно-философской точки зрения. В рамках этого подхода она трактует историю отношений нашей страны и внешнего мира как перманентный, крайне затратный и непродуктивный для нашего отечества конфликт православной России с Западом. Рассмотрение ею в христианских понятиях вселенской дилеммы «Россия и Европа» объясняет путь России к катастрофам начала XX века и его

конца. В их основе – тотальное отрицание Европой самостоятельного, прогрессивного развития России, внедрение в российское общество либеральных идей как инструмента внутреннего саморазрушения, неизменно поддерживаемого извне. «Поистине наша национальная катастрофа есть плод 200-летнего русского западничества» [13, с. 520].

Схожую по масштабам, но иную по подходам попытку осмыслить место России в мировой истории предпринял американский ученый Маршал Т. Рое в книге «Русский момент в мировой истории». На большом материале исследуется историческое развитие России от древних славян до современности. Т. Рое стремится сформулировать на основе обзора русской историографии свое понимание российской уникальности, определиться в цивилизационной атрибуции России, решив извечный вопрос: догоняет ли Россия Запад или идет собственным путем? Суть интерпретации поставленных проблем заключается в тезисе о том, что Россия – не Восток и не Запад и не их сплав. Россия – это Россия, самородок мировой цивилизации. Особенность России состоит в том, что она не впитала в себя ни основ государственности Европы, ни ценностей и культуры Востока [14].

Россия пошла своим путем, за счет сильной авторитарной власти и уникальной способности к самозащите, избежав судьбы объекта европейской колониальной экспансии и глубокого влияния.

Д.А. Андреев и Г.А. Бордюгов приходят к выводу, что режим модернизации так и не привился в России за два с половиной века романовского царствования. Он продолжал оставаться для страны – возникшей и развивавшейся по принципиально иному цивилизационному пути – чужеродным и противоестественным, значит, и губительным. Актуализируя вопрос о предпочтительных моделях развития России в XXI веке, авторы отвергают как стагнационный вариант модернизации, так и ее классическую западную модель. По их мнению, стране требуется некий «новый строй», в котором народ как главный производитель энергии развития должен стать полноправным субъектом пространства власти [15, с. 31–32].

Для западных исследователей базовой для России является теория «догоняющего развития», которая имеет глубокие и разветвленные корни. Французский аристократ маркиз А. Де Кюстин, посетив Россию в XIX в., писал: «Куда ни посмотри, Россия во всем отстала от Европы на четыре столетия». «Русская нация, позже других взошедшая на великую сцену мира, гением своим избрала подражательство, а орудием – подмастерье плотника!» Критикуя русскую цивилизацию, маркиз продолжал: «...ничто в ней не вышло из почвы или из народа, прогресса не было, в один прекрасный день все ввезли из-за границы» [16, с. 281].

А.Дж. Тойнби писал о неоднократных попытках России «догнать западную технологию», делающую броски вперед и оставляющую Россию позади. Отдавал должное роли России в выработке собственной модели взаимодействия стран с Западом, отмечая, что Петр «на два с половиной столетия избавил мир от попадания в полную зависимость от Запада, научив его противостоять западной агрессии ее же собственным оружием. Султаны Селим III и Махмуд II, президент Мустафа Кемаль Ататюрк в Турции, Мехмед Али Паша в Египте, высшие государственные чиновники, совершившие вестернизацию Японии в 1860-х годах – все они вольно или невольно ступали по тропе, проложенной Петром Великим» [17, с. 158–159].

Хью Рагсдэйл в книге «Русская трагедия: бремя истории» описывает особенности России как восточной цивилизации, европейской, но не западной по своей сути и проявлениям. Он прослеживает попытки русского государства в течение трех веков «догнать» Запад, но не стать западным. Автор показывает как проблема трансформации государства и общества постсоветской России в «нормальную» страну и сегодня сталкивается со старой дилеммой [18].

Ричард Пайпс представляет Россию как на страну замкнутой политической культуры, воспроизводившей в веках свою архаику и не способной к самостоятельному инновационному развитию [19].

Теодор Шанин считает, что в России шел процесс развития капитализма, уже свершившийся в Западной Европе и что она находилась на несколько ступеней ниже на лестнице общественного прогресса [20, с. 123].

После распада Советского Союза идея зависимого и догоняющего развития стала активно внедряться в российские издания и массовое сознание [21, с. 168]. Согласно этой версии, Россия как цивилизационно менее продвинутой социум есть общество догоняющего развития, и соответственно модернизационные процессы происходят здесь позже, чем в европейских странах.

Большинство рассмотренных нами доводов сходятся в том, что Россия принадлежит к числу государств «догоняющего» типа экономического развития, вступивших на путь современного индустриального роста позже ведущих стран Западной Европы и США. Экстенсивность, детерминированная исторически, не позволяет выдерживать конкуренцию со странами Запада по многим параметрам. На вызов конкурента Россия вынуждена давать ответ в форме форсированных модернизационных обновлений по западным технологическим образцам.

В.В. Ильин и А.С. Ахиезер в книге «Российская цивилизация: содержание, границы, возможности» отмечают, что необходимый сегодня уровень модернизации достигается путем принудительной мобилизацией ресурсов, а для населения оборачивается понижением уровня жизни и ограничением свобод. Социальные издержки поддержания державного равновесия через некоторое время приводят к спаду и очередному отставанию от западных стран. Возникает новый вызов, требующий нового адекватного ответа и очередных усилий нации [22, с. 109].

Чтобы выжить в жестких условиях современного мира, чтобы отстаивать свой суверенитет, обеспечить развитие страны, сохранить ее территориальную целостность и экономическую независимость, чтобы удержать регионы, развивать инфраструктуру, помогать крестьянам, поддерживать малоимущих – все это способна осуществлять только эффективная и жесткая государственная власть.

А.Н. Медушевский в сравнительно-историческом контексте отмечает, что радикальные реформы в России проводятся государством сверху с периодичностью примерно раз в полстолетия и направлены они на модернизацию социальных отношений, управленческих структур, армии и в целом образа жизни по европейскому образцу.

Российские реформы XVIII в., воплощая в себе догоняющее развитие, модернизацию и европеизацию, выступали первыми в ряду подобных преобразований нового времени, обнаружив ряд устойчивых признаков, которые затем прослеживаются в реформах, проводимых в Пруссии, Австро-Венгрии, Турции, Египте, Японии, других государствах вплоть до нашего времени. Этот факт уже само по себе снимает вопрос о закономерности или случайности преобразований Петра I [23, с. 77–78]. Для Медушевского «догоняющее развитие», «модернизация» и «европеизация» являлись доминирующей тенденцией русского национального развития.

Переход от традиционной организации управления к рациональной, создание государственности нового типа явились объективным этапом общественного развития нового времени. Петровская реформа в этом отношении – важная веха в мировой истории – она символизирует начало процесса модернизации и европеизации в мировом масштабе.

В книге В. Хороса «Русская история в сравнительном освещении» Россия вписана в общемировой процесс модернизации как страна второго эшелона. Культуролог вывел

противоречие российской модернизации в выборочном заимствовании технических и организационных достижений на фоне ужесточения эксплуатации традиционными, феодальными методами.

Хорос обращается к процессам развития русской общественной мысли: становлению национального сознания, анализу смысла и роли России в новом для нее мире, стремительно утрачивающем привычные контуры. Заслуга автора как исследователя – вписывание народничества в традицию мирового популизма. Хорос фиксирует закономерный, типический характер возникновения подобных движений для стран запоздалой модернизации [24].

Б.Н. Миронов в двухтомнике «Социальная история России периода империи», посвященном социальным трансформациям российского общества, отразил суть России, находящейся в ловушке вечной дихотомии «русского» и «европейского». Один из разделов книги затрагивает тему постоянных дебатов в России – отношения с Европой и уровень отставания в развитии от нее. По версии автора, Россия – «нормальная страна», начиная с XVIII в. развивалась по тем же направлениям, что и Запад, только с опозданием. Россия была и, возможно, остается отдаленной версией Европы: в России мы видим образ Европы, какой она была в прошлом [25, с. 291–304].

Несмотря на широкое распространение концепции «догоняющего развития», некоторые исследователи скептически относятся к использованию термина «догонять» при характеристике общественных явлений. Так, по мнению А.Б. Каменского, «догонять» достаточно удобно для описания явлений в экономической сфере, где существуют конкретные цифровые показатели, но это непригодно, когда речь идет о социально-политических процессах [26, с. 48].

Представление, что Россия все время «догоняла» Европу, заставляет предполагать, что тот или иной момент ее исторического развития как государства соответствовал более раннему этапу в истории Западной Европы. Такое предположение, во-первых, не учитывает взаимовлияния народов, которое даже в XV–XVII вв., и в особенности на территории Европы, было столь сильным, что вряд ли можно представить, чтобы в России могли возникать политические или социальные институты, попросту копирующие аналогичные институты европейских стран за несколько веков до того. Во-вторых, Россия в любой момент своей истории, несомненно, сочетала в себе как сугубо национальные черты, так и черты, делавшие ее похожей на ее соседей этого или предшествующего времени, черты общеевропейские. Причем в любой момент своей истории Российская империя как система сочетала в себе разнообразные элементы, аналоги которых можно обнаружить в истории стран и Востока, и Запада разных исторических периодов. Такое сочетание и делало исторический путь России на протяжении многих веков особым и уникальным.

Ссылки:

1. Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 2009.
2. Платонов С. Полный курс лекций по русской истории. М., 2008.
3. Рябов А. Возрождение феодальной «архаики» в современной России: практика и идеи // Рабочие тетради. Working Paper. М., 2008. № 4.
4. Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамика / под. ред. А.Б. Гофмана. М., 2008.

References (transliterated):

1. Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva Rossiyskogo. M., 2009.
2. Platonov S. Polniy kurs lektsiy po russkoy istorii. M., 2008.
3. Ryabov A. Vozrozhdenie feodal'noy "arkhaiki" v sovremennoy Rossii: praktika i idei // Rabochie tetradi. Working Paper. M., 2008. No. 4.
4. Traditsii i innovatsii v sovremennoy Rossii. Sotsiologicheskii analiz vzaimodeystviya i dinamika / ed. by A.B. Gofman. M., 2008.

5. Эйдельман Н.Я. Твой XVIII век. М., 1986 ; Мавродин В.В. Рождение новой России. Л., 1988.
6. Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1986 ; Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1998.
7. Анисимов Е.В. Время петровских реформ. Л., 1989.
8. Водарский Я.Е. Петр I // Вопросы истории. 1993. № 6.
9. Шанин Т. Социально-экономическая мобильность и история сельской России 1905–1930 гг. // Общественные науки и современность. № 1.
10. Кагарлицкий Б. Периферийная империя: циклы русской истории М., 2009.
11. Уткин А.И. Вызов Запада и ответ России. М., 2003; Он же. Россия и Запад: история цивилизаций. М., 2000.
12. Laue Th. The Chances for Liberal Constitutionalism // The Slavic Review. Vol. 24. № 1. 1965.
13. Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М., 2003.
14. Poe M.T. The Russian Moment in World History. Princeton – Oxford, 2003.
15. Андреев Д.А., Бордюгов Г.А. Пространство российской власти: в поисках оптимальной формулы // Свободная мысль – XXI. 2004. № 3.
16. Кюстин де А. Россия в 1839 году. Т. 1. М., 2000.
17. Тойнби А.Дж. Россия и Запад // Цивилизация перед судом истории. СПб., 1996.
18. Ragsdale H. The Russian Tragedy. The Burden of History. N.-Y. ; London, 1996.
19. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 2004.
20. Shanin T. Russia as a «Developing Society». The Roots of Otherness: Russia's Turn of Century. Vol. I. London, 1985.
21. Россия в начале XX в. М., 2002.
22. Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М., 2000.
23. Медушевский А.Н. Реформы Петра I и судьбы России : научно-аналитический обзор. М., 1994.
24. Хорос В. Русская история в сравнительном освещении. М., 1996.
25. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 1, 2.
26. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М., 1999.
5. Eydel'man N.Y. Tvoy XVIII vek. M., 1986 ; Mavrodin V.V. Rozhdenie novoy Rossii. L., 1988.
6. Molchanov N.N. Diplomatiya Petra Velikogo. M., 1986 ; Pavlenko N.I. Petr Velikiy. M., 1998.
7. Anisimov E.V. Vremya petrovskikh reform. L., 1989.
8. Vodarskiy Y.E. Petr I // Voprosy istorii. 1993. No. 6.
9. Shanin T. Sotsial'no-ekonomicheskaya mobil'nost' i istoriya sel'skoy Rossii 1905–1930 gg. // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. No. 1.
10. Kagarlitskiy B. Periferiynaya imperiya: tsikly russkoy istorii M., 2009.
11. Utkin A.I. Vyzov Zapada i otvet Rossii. M., 2003; Idem. Rossiya i Zapad: istoriya tsivilizatsiy. M., 2000.
12. Laue Th. The Chances for Liberal Constitutionalism // The Slavic Review. Vol. 24. No. 1. 1965.
13. Narochnitskaya N.A. Rossiya i russkie v mirovoy istorii. M., 2003.
14. Poe M.T. The Russian Moment in World History. Princeton – Oxford, 2003.
15. Andreev D.A., Bordyugov G.A. Prostranstvo rossiyskoy vlasti: v poiskakh optimal'noy formuly // Svobodnaya mysl' – XXI. 2004. No. 3.
16. Kyustin de A. Rossiya v 1839 godu. Vol. 1. M., 2000.
17. Toynbi A.J. Rossiya i Zapad // Tsivilizatsiya pered sudom istorii. SPb., 1996.
18. Ragsdale H. The Russian Tragedy. The Burden of History. N.-Y. ; London, 1996.
19. Payps R. Rossiya pri starom rezhime. M., 2004.
20. Shanin T. Russia as a "Developing Society". The Roots of Otherness: Russia's Turn of Century. Vol. I. London, 1985.
21. Rossiya v nachale XX v. M., 2002.
22. Il'in V.V., Akhiezer A.S. Rossiyskaya tsivilizatsiya: sodержanie, granitsy, vozmozhnosti. M., 2000.
23. Medushevskiy A.N. Reformy Petra I i sud'by Rossii : nauchno-analiticheskiy obzor. M., 1994.
24. Khoros V. Russkaya istoriya v sravnitel'nom osveshchenii. M., 1996.
25. Mironov B.N. Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX vv.). Genezis lichnosti, demokraticheskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva. SPb., 1999. Vols. 1, 2.
26. Kamenskiy A.B. Ot Petra I do Pavla I. Reformy v Rossii XVIII veka. Opyt tselostnogo analiza. M., 1999.